

Росси. правда - 1990. - 1 сент.

Еко Оно и ее русская тетя

Когда Еко Оно несколько лет назад впервые приехала в нашу страну, она часто вспоминала свою тетю Анну, которая, по ее словам, была очень известна в Японии как скрипачка и педагог. Но никто из тех, с кем встречалась Еко, и слыхом не слыхивал о «русской тете». А это была Анна Дмитриевна Бубнова (1890—1979).

В Японию ее привела неоглядная любовь. После окончания в 1911 году Петербургской консерватории по классу скрипки Анна начала преподавать музыку и успешно концертровать. И тут на ее пути встал Сюнъити Оно, студент-вольнослушатель естественного факультета Петербургского университета.

Их знакомство, вскоре перешедшее в пылкую влюбленность, происходило на фоне глобальных потрясений — война, Февральская, а затем и Октябрьская революция. Японское правительство предложило своим подданным покинуть Россию. Оно медлил до последнего, не в силах расстаться с Анной. А она терзалась — оставить Родину или потерять Сюнъити. И она решила — 24 февраля 1918 года они обвенчались в Спасо-Преображенской церкви и в тот же день сели в поезд.

И вот она в Японии. Русская до мозга костей. Вышедшая из семьи, корнями связанной с русской историей и культурой. Бубновы со стороны отца были потомственными военными моряками. Вульф — со стороны матери состояли в родстве с многими именитыми дворянскими фамилиями — с Ржевскими, Муравьевыми, Муравьевыми-Апостолами, Головинными и даже с Пушкиным.

Итак, Анна Дмитриевна в Японии, не в современной, когда общемировая цивилизация уже порядком нивелировала национальные особенности, а в Японии традиционной — с рикшами и гейшами, с ни на что не похожим вековым укладом. Клан Оно принял ее, мало того — полюбил. Для братьев и сестер своего мужа она стала «о-нэ-сан» — уважаемой старшей сестрой, а для их детей «Анна-обатами» — тетусшкой Анной. Через год после приезда у Анны родился сын. Ему дали японское имя Шюнтаро и православное — Дмитрий в честь русского деда, а звали на русский манер — Шуня. Вскоре из России приехали мать и сестра Варвара. Кажется, что нужно женщине для счастья? Но Анне, воспитанной в свойственной русской интеллигенции идее служения и просвещения, надо было отдавать себя и свои знания.

В Японии в те годы музыка была в самом незавидном положении. И что особенно удивляло Анну — учиться на скрипке и на роле японцы начинали взрослыми. У Анны было имя в музыкальном мире, сложившееся благодаря ее концертам. Она выступает в печати, убеждает знакомых педагогов и, главное, сама начинает учить маленьких детей. Впоследствии ее метод назовут «революционным поворотным пунктом в музыкальном образовании японских скрипачей». В ее дом знакомые семьи Оно стали приводить своих детей. И Анна учила их ревностно, терпеливо и строго, так, как она учила своего сына Шуню Шюнтаро. Уже в шесть лет Шуня начал выступать в концертах, исполнял Моцарта

и Бетховена. В двенадцать играл первую скрипку в только что возникшем симфоническом оркестре. Его считали «музыкальным чудом». Но в четырнадцать лет он скоропостижно скончался от нелепой случайности. Горе Анны было неопишимо. Она казнила себя, что не могла спасти сына. Ежедневно ездила в другой конец города на его могилу. Несмотря на глубокую религиозность, даже пыталась наложить на себя руки. Так прошло два года, и Анна пережила другой тяжелейший удар — развод с Сюнъити. Видно, сказало в конце концов несходство характеров.

Несмотря на все перипетии и сложности жизни, Анна Дмитриевна сохранила добрые отношения со всем кланом Оно. И особенно с семьей брата бывшего мужа.

Тот женился на девушке из уважаемой в Японии семьи. У их дочки Еки рано проявилась музыкальная одаренность, с трех лет ее стали учить играть на пианино. Анна очень нежно относилась к этой черноглазой малышке, которую ласково называла Екотян-Екотка, радовалась ее успехам, особенно когда Еко поступила в колледж.

Еко же боготворила тетю Анну. Сначала это был детский восторг перед знаменитой, всегда элегантной Анной Оно, так не похожей на всех. А впоследствии Еко, сама став звездой мировой величины, осознала трагизм жизни Анны и, пережив невосполнимую утрату — смерть мужа Джона Леннона, по-новому понял ее мужество.

Их последняя встреча была незадолго до возвращения Анны Дмитриевны на Родину и до отъезда Еко в США, где-то в конце 50-х годов. Они вместе были на даче в Каруидзаве, курортном местечке в горах недалеко от Токио. Анна молча, не отрываясь, глядела в сад:

— Еко, знаешь, сколько в этом саду берез?

Еко не знала, а Анна назвала точное число.

Много лет спустя Еко рассказывала, что из этих слов она поняла, как Анна тоскует по России. Анна не думала, что она снова увидит родные края. А Еко не думала в то время, что, уехав в США, она на много лет расстанется с Японией.

В 1960 году Анна Дмитриевна вслед за сестрой Варварой вернется в Советский Союз. Они поселились в южном городе Сухуми, где жила их старшая сестра Мария. Пока хватало сил, Анна Дмитриевна преподавала музыку.

Вместе с сестрой Варварой побывав в родном Бернове и Михайловском, посетили и Тригорское — именно туда передали чудом сохранившиеся семейные портреты. До последних дней жизни Анна Дмитриевна старалась следить за всем новым в мире музыки. Кто знает, не услышала ли она о «Битлзах», о Джоне Ленноне и его жене Еко Оно, чье появление наделало столько шума среди поклонников Джона.

Закончив в США музыкальное образование, Еко уехала в Англию. Не меньше музыки ее влекла поэзия и живопись. В это время вышла ее книга «Грейпфрут».

Как-то Еко зашла в Лондоне в книжный магазин посмотреть, продается ли там ее книга. Книга стояла на полке под буквой «О». Неподалеку от нее, на той же пол-

ке под буквой «Л» стояла книга Джона Леннона. Она перелистала ее.

До этого они уже бегло встретились в галерее «Индика», где была выставка Еко «Неоконченные картины и предметы» — она исповедывала в живописи концептуализм. Известно, что Джон взял молоток и бил гвоздь в одну из ее композиций. Известно также, что вскоре Еко вошла в жизнь Джона. Он в «Балладе о Джоне и Еко» написал, что она была «единственной женщиной, которая во всех отношениях отвечала моим мечтам, и даже более того».

В характере Еко удивительным образом сочетались увлеченность, импульсивность, склонность к фантазии, качества, которые были у ее дяди Сюнъити, помноженные на ее талант, и, можно сказать, «запретительность» воображения, с трезвым умом и деятельной энергией. После гибели Джона Еко надела черные очки, которые никогда не снимала.

Много написано и о борьбе Еко за спасение «Земляничных полей» — детском доме в Ливерпуле, где жил в детстве Джон, и о ее пластинке «Звездный мир», и о ее участии в акции английских женщин из «Лагерь мира».

Сейчас возраст Еко перевалил за пятьдесят — секрета в этом никакого нет, это хорошо известно всем, кто хоть немного знает о ней, — и может быть поэтому ее потянуло в Японию.

1990 год особенный в жизни Еко — в мае Джону Леннону исполнилось бы пятьдесят лет. К этой дате она провела огромную подготовку — в мае состоялся грандиозный концерт в Ливерпуле, в декабре он состоится в Японии. Средства от него пойдут на стипендию имени Д. Леннона и на проект «Озеленение». Ее заветное желание, чтобы в октябре такой гала-концерт состоялся в Москве.

1990 год — особый и для всех тех, кто знал и любил Анну Дмитриевну Бубнову-Оно. Это год столетия со дня ее рождения. В Японии члены «Общества памяти профессора Анны Оно» выпустили о ней книгу «Воспоминаний».

А у нас, на родине Анны Дмитриевны? В мае в Сухуми состоялось открытие мемориальной доски на доме, где жили сестры Бубновы. Правда, на ней пока что высечено только имя Варвары Дмитриевны, заслуженного художника Грузинской ССР.

Далеко Япония от Сухуми. В Японии на кладбище Тамаботи в могиле Шюнтаро Оно захоронено обручальное кольцо Анны Дмитриевны. На Михайловском кладбище в Сухуми, где лежат три сестры, склонилась вишня-сакура.

◇

Мне довелось близко знать Анну Дмитриевну. Последний раз я видела ее уже совсем больной, за две недели до смерти.

Случай познакомил меня с Еко Оно — ей хотелось узнать о жизни в Советском Союзе ее «дорогой, ласковой русской тети», и мы провели вместе несколько часов. Я показала Еко фотографии молодой Анны, которые она никогда не видела, а она мне — новеллу о березах, так много говорящую об Анне и о самой Еко тоже.

Этим мне хотелось бы закончить «Балладу о Еко и Анне».

И. КОЖЕВНИКОВА.